

Настоящая статья представляет собой расширенный вариант доклада на 4-й Всероссийской научно-практической конференции «Люди и институты: нематериальные факторы устойчивого развития Российского государства» (Тамбов, 31 октября – 1 ноября 2017). Основная задача автора – осмыслить историю русской революции в направлении правового и политического развития страны в длительной перспективе, показать преемственность институтов имперской, советской и постсоветской политической системы. Особенность этого процесса раскрывается через соотношение идеологии (революционный миф), позитивного права (политические конституции) и реальных политических практик (функционирования политического режима). В качестве правового компонента революционного конструирования выступает номинальный советский конституционализм, отличный от его классической либеральной версии.

Ключевые слова: история; русская революция; конструирование; право; политика; номинальный конституционализм.

Андрей Николаевич Медушевский, д-р филос. наук,
ординарный профессор Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики» (факультет социальных
наук, департамент политических наук);
amedushevsky@mail.ru

ПРАВО И РЕВОЛЮЦИЯ: ВКЛАД СОВЕТСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКУЮ КОНСТИТУЦИОННУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ *

Столетие русской революции позволяет осмыслить историю правового и политического развития страны в длительной перспективе, поставив вопрос о преемственности институтов имперской, советской и постсоветской политической системы. Эта проблема решается нами в трех измерениях: сравнительном (сопоставление классических и современных революций), историческом (эволюция легитимирующей формулы политического режима) и когнитивно-информационном (выяснение мотивации основных акторов политико-правового развития – разработчиков и создателей политических конституций XX в.). В основе исследования лежат архивы всех конституционных комиссий XX в. – программные документы политических партий Февральской революции, Временного правительства и Учредительного собрания, материалы конституционных комиссий, разработавших все советские конституции, а также документы о разработке действующей российской Конституции 1993 г.

---

* В основу текста положена книга автора, презентация которой состоялась на конференции в Тамбове: Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в России XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Речь идет, таким образом, о реконструкции «долгого XX века» – создании полноценной политической или конституционной истории русской революции и определении степени ее влияния на современное политико-правовое конструирование. Эта задача, в принципе, решенная на материале других революций (английской, американской, французской, мексиканской), до последнего времени даже не поставлена в российской академической литературе. Но без ее решения трудно определить историческое место постсоветских конституционно-правовых преобразований – их реальные исторические границы и возможности, а, следовательно, выстроить программу необходимых преобразований в будущем.

Революция определяется нами как радикальное и насильственное изменение информационной картины мира и основа новой социальной и когнитивной адаптации общества. Она означает, прежде всего, разрушение старой нормативной системы – ценностей, принципов и норм, лежащих в основе старого порядка. Следствием неизбежно становится нормативный хаос, который выражается в прекращении действия старых правовых норм и отсутствии новых. Однако всякая успешная революция (то есть та, которая приводит революционеров к власти) неизбежно заканчивается созданием новой нормативной системы, без которой невозможна консолидация политического режима и осуществление целей заявленных им социальных преобразований. Так возникает порядок из хаоса – постепенное формирование ядра новой правовой системы, претендующей на занятие места старой.

Формирование нового порядка выражается в появлении системообразующего мифа (выражающего максимизацию завышенных ожиданий революционного периода), проектах социального конструирования, их столкновении и селекции, результатом которой становится появление доминирующего проекта – такого, который в действительности определяет ключевые параметры конструирования новой политико-правовой системы. Он, как правило, закрепляется и фиксируется в политических конституциях и выражается наиболее четко в эволюции легитимирующей формулы власти. Всякая революция, следовательно, продолжается столько, сколько действует ее миф и легитимирующая формула. В России XX в. – это период с 1917 (утверждение революционного коммунистического мифа и однопартийной диктатуры) до 1991 гг. (их крушение).

Всякий масштабный проект социального конструирования предполагает установление баланса ценностей, норм и поведенческих практик. Революционный проект ставит эти задачи наиболее четко. Главная задача исследователя – раскрыть соотношение в этом конструировании идеологии (революционный миф), позитивного права (политические конституции) и реальных политических практик (функционирования политического режима). Рассмотренный комплекс источников позволяет решить эту задачу, проследив меняющийся баланс всех трех параметров революционного проекта в XX в. Остановимся на каждом из компонентов данной триады.

Идеология всякой революции представлена системообразующим мифом – системой представлений, основанных не на знании, но вере, которые выражают комплекс завышенных (т.е. не реализуемых) ожиданий,

становящихся основной масштабной социальной мобилизации для осуществления доминирующего революционного проекта. Этот миф может иметь, и действительно имеет в истории революций, разное выражение – может быть религиозным, светским, даже объявлять себя последним словом науки, но на деле – определяет масштаб и рамки революционных ожиданий по изменению общества. В русской революции таким мифом стал коммунизм. Его содержанием является идеологическая утопия (марксизм-ленинизм); структура – соответствует религиозному мифу; функция – состояла в легитимации однопартийной диктатуры. Коммунистический миф сформировался в новое время в результате промышленного переворота и развития индустриального капитализма, стал реакцией на него аграрного общества и в целом оказался ретроспективно направленным – он исходит из предпосылки восстановления в будущем той социальной гармонии (всеобщего равенства), которая существовала в древности, но была утрачена в эпоху капитализма. Привлекательность данного мифа для традиционалистского сознания крестьянских масс объясняет его широкое распространение в аграрных обществах, ставших на путь модернизации в XX в., а также утверждение его большевистской версии в России. Сформировав основы «светской теократии», он определял развитие социального и конституционно-правового регулирования советского общества.

Коммунистический миф корректировался в соответствии с внешними и внутренними вызовами системе и включал, как минимум, пять основных модификаций в СССР, однако его природа, структура и функции оставались неизменными, задавая общие рамки и параметры политико-правового конструирования. В основе этого конструирования лежали программы партии (1903, 1919, 1961 гг. и ее обновленная редакция 1986 г.), являвшиеся основным источником конституционного права в СССР. Данный миф определял легитимирующую формулу власти и ее эволюцию в XX в. Общая логика эволюции мифа и основанной на нем легитимирующей формулы власти может быть определена как «рутинизация» революционной харизмы, то есть последовательная корректировка утопических представлений марксизма в направлении социальной реальности.

Правовой компонент революционного конструирования определяется нами как номинальный советский конституционализм. Он представляет совершенно оригинальный тип конституционализма, безусловно, отличный от его классической либеральной версии, основы которой были заложены философией Просвещения, развиты конституциями Американской и Французской революций, политическими системами в Европе XVIII–XIX вв., составившими основу современной плюралистической демократии. С другой стороны, номинальный конституционализм демонстрирует отличия от различных деспотических, абсолютистских и диктаторских форм правления в истории нового и новейшего времени, которые вообще не нуждались в конституционной легитимации власти, доставшейся правителям этих режимов в результате проявления Божественной воли, наследственного монархического права или просто – захвата власти силой. От первого, либерального, типа конституционализма, советский конституционализм отличается именно своей номинальностью (то есть недееспособ-

собностью), от второго – тем, что он «конституционализм» (т.е. предполагает наличие формально декларированного Основного закона с фиксированными правами, обязанностями и даже наличием формальных процедур их пересмотра).

Основные особенности номинального конституционализма понятны при сравнении с реальным, и выражаются в следующих отличительных чертах:

а) отсутствие реализации конституционно зафиксированных правовых норм (прежде всего тех, которые определяют права человека);

б) отказ от судебного контроля конституционности законов (присутствует только политический контроль конституционности);

в) чрезвычайная гибкость (возможность произвольной идеологической интерпретации норм и их смысла – вплоть до противоположного).

Политический компонент революционного конструирования и практика функционирования режима не могут быть поняты вне их нормативного измерения. Номинальное советское право – не право в аутентичном смысле слова, а скорее его противоположность. Этот факт привел ряд исследователей к выводу о том, что его вообще не стоит изучать и брать в расчет при изучении советской политической системы. Данный вывод, однако, игнорирует роль номинального конституционализма как основополагающего фактора легитимации советского строя и легитимирующей формулы власти. Фактически до сих пор мы мало знаем о механизмах соотношения нормативных предписаний, институтов и политического поведения, то есть социологических закономерностях номинального конституционализма. Между тем, его социальные функции оказываются очень значимы:

а) обоснование окончательности исторического выбора и юридическая фиксация отказа от его пересмотра;

б) новая трактовка общественного договора (не только для нынешнего, но и будущих поколений);

в) камуфлирование реальной власти с одновременным обоснованием ее легитимирующей формулы;

г) мобилизационная функция – введение системы поощрений и кар, стимулирующих вовлечение общества в осуществление доминирующего революционного проекта социального конструирования.

Мобилизационно-репрессивная функция (или «дрессирующая роль права») вообще выступает как приоритетная. Это подтверждается проведенным анализом обстоятельств разработки и принятия всех советских конституций. Все они были приняты фактически на пике социальных репрессий: конституция РСФСР (1918 г.) вступила в действие после роспуска Учредительного собрания, в ходе Гражданской войны, а момент ее утверждения совпадает с ликвидацией остатков многопартийности (отстранение левых эсеров после мятежа 6 июля 1918 г.). Конституция СССР 1924 г. означала пересмотр Союзного договора 1922 г., отказ от реального федерализма, а фактически – подавление его сторонников в республиках и внутри партии. Конституция СССР 1936 г. была принята в условиях сталинских репрессий и открыла шлюзы «большому террору» 1937–1938 гг. Брежневская Конституция 1977 г. подвела итоги ограниченной либерали-

зации периода «оттепели». В тех случаях, когда система пыталась реформировать себя и репрессии носили ограниченный характер, новую конституцию принять не удавалось – такова судьба несостоявшейся конституции Хрущева (проект которой был подготовлен, но отвергнут сразу после его свержения в 1964 г.). Не удалось принять новую конституцию и в период «перестройки» Горбачева – она завершилась принятием новой редакции Конституции СССР 1977 г. с включением в нее важнейших поправок периода реформ (1991 г.).

Важной особенностью номинальных советских конституций (и конституций генетически близких к ним режимов) являлось фактическое выведение политического лидера из сферы конституционного контроля при сохранении за ним неограниченной власти. Вождь выполнял в этой системе ряд принципиальных функций – он являлся верховным жрецом идеологического культа (то есть определял в конечной инстанции, что соответствует идеологическим канонам, а что нет); посредником между основными институтами власти (юридическое разграничение полномочий которых было невозможно в силу отрицания принципа разделения властей); медиатором в борьбе различных группировок внутри правящей партии и ее элиты; арбитром в спорах о перспективах социального конструирования; реальным главой государства, руководившим внутренней и внешней политикой. Таким образом, фетиш партийно-государственного руководства и «коллективного президента» СССР (им официально выступал Президиум Верховного Совета) всегда коррелировался с воспроизводством партийной олигархии и вождя. Именно с этим связан феномен «культа личности» (согласно его официальной идеологической интерпретации), который последовательно воспроизводился на всех этапах развития советского однопартийного режима.

Одной из проблем изучения номинального конституционализма является степень его неизменности. Внешняя монолитность системы, подкрепляемая воспроизводством революционной формулы, не исключает внутренней трансформации, связанной с особенностями соотношения права и политических практик на разных этапах развития. Источником изменений следует признать меняющееся соотношение формальных и неформальных практик. В процессе формирования системы номинального советского конституционализма выделяется три фазы, каждая из которых получает закрепление в особой правовой доктрине. На *начальной* фазе революционного захвата власти большевиками (1918 г.) – это доктрина «революционного правосознания», смысл которой состоит в полном отрицании позитивного права во имя революционной справедливости (последняя отождествляется с интуитивными импульсами массового сознания по разрушению ценностей, норм и институтов старого порядка). *Вторая* фаза (1920-е гг.) представлена доктриной «революционной законности». Она выражает определенный компромисс между спонтанной харизмой революционной формулы и стремлением частично отразить ее в позитивном праве. «Законность» в этой трактовке имеет вспомогательный характер и может быть реализована только в ограниченных пределах (устанавливаемых системой однопартийной диктатуры в рамках революционной

целесообразности). *Третья* фаза (начиная с середины 1930-х гг.) получает выражение в предложенной А. Вышинским доктрине «социалистической правовой системы». Она представляет собой синтез предшествующих компонентов – революционного сознания, права («законности») и целенаправленной политики государства (партийного руководства). Революционная формула (коммунистическое сознание) остается основой конструкцией, «социалистическая законность» – ее правовым выражением, а целесообразность означает возможность произвольного толкования правовых норм исходя из тактических установок партии и вождя.

Ключевое значение данная доктрина приобрела в ходе разработки и принятия Конституции СССР 1936 г. Она продемонстрировала жесткое разделение формальных (номинальных) и неформальных норм, определяющих реальное функционирование общественных отношений и политического режима. Проведение данной формулы в жизнь порождало конфликт двух типов норм – вело к когнитивному диссонансу в обществе, связанному с невозможностью их сочетания на практике. Механическое следование формальным конституционным нормам было очевидно невозможно, поскольку игнорировало реальные принципы функционирования системы. Но и следование неформальным нормам при демонстративном игнорировании формальных вело в тупик, поскольку подрывало легитимирующую формулу режима и в равной степени подвергалось криминализации. Выход состоял в принятии стратегии «двоемыслия» (термин Дж. Оруэлла) – способности индивида к быстрому переключению мотивации поведения с формальных норм на неформальные и, наоборот, в зависимости от ситуации. Закрепление данных когнитивных стереотипов в обществе было возможно с помощью трех инструментов: массовой пропаганды (скорректированная трактовка коммунистического мифа как победы социализма в одной стране); политического пиара (кампания по «всенародному обсуждению сталинской Конституции» и ее продвижению на Западе); а, главное, масштабной кампании политического террора (разработка Конституции совпала с Московскими политическими процессами и завершилась «большим террором» – уничтожением старой революционной элиты в 1937–1938 гг.). С макиавеллистической точки зрения данная акция была успехом: сохранив и упрочив революционную формулу (в новой редакции), Конституция 1936 г. оказалась наиболее долговечной из всех советских конституций, стала аутентичным выражением особенностей советского политико-правового строя, способствовала легитимации однопартийной диктатуры и режима личной власти Сталина как внутри страны, так и за ее пределами.

В длительной перспективе, однако, выяснилась невозможность безграничного поддержания революционного мифа и конституционного двоемыслия в неизменных формах. Основными вызовами этой системе во второй половине XX в. стали: утверждение идеологии прав человека в послевоенной Европе и мире (Всеобщая декларация прав человека 1948 г.), бросившей вызов «классовой теории права»; возникновение общества потребления, провозгласившего консюмеризм основой социальной стабильности и поставившего под сомнение приоритеты жертвенно-

сти нынешних поколений во имя торжества коммунистической утопии в будущем, наконец, ослабление параноидальной революционной идеологии внутри СССР под влиянием большей открытости и интенсификации информационных взаимодействий с внешним миром. Жесткое разделение формальных конституционных норм и неформальных нормативных поведенческих практик в этой ситуации не могло поддерживаться как ранее, исключительно массовым террором и пропагандой. Этот факт определил основную дилемму советского руководства постсталинского периода – каким образом сохранить системообразующую революционную формулу, ограничив при этом номинальность советского права?

Во второй половине XX в. представлено две различные стратегии решения вопроса – зафиксировать революционную идеологическую формулу в праве, представив коммунизм в виде системы правовых принципов и норм (конституционный проект несостоявшейся Конституции Хрущева 1964 г.) и обратная тенденция – не трогать идеологию, но зафиксировать в Конституции основной институт производства правовых и идеологических норм (ст. 6 о руководящей роли партии в Конституции Брежнева 1977 г.). Партия определялась как «ядро политической системы, государственных и общественных организаций», но ее конституционный статус по-прежнему оставался двусмысленным. Легитимность партии по-прежнему вытекала не из правовых норм, но из факта захвата власти в 1917 г., а также присвоенных функций «научного» руководства борьбой за коммунизм. В то же время Конституция нащупывала пути перевода революционно-харизматической легитимности в рационально-правовую, фиксируя положение о том, что «все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР». Последнее решение стало «моментом истины» для советской политической системы, и, не случайно, – вызвало длительное и конфликтное обсуждение в партийной элите. Решение о конституционализации партии (точнее ее организаций) коренным образом меняло постановку проблемы легитимности режима и было попыткой конвертировать революционную харизму в правовую формулу.

Становились неизбежны вопросы: как соотносятся партия и государство; ограничена ли Конституцией роль партии в целом (как «направляющей силы») или только ее низовых организаций; может ли партия сама ограничить абсолютный характер своей власти, может ли она действовать в нарушение основополагающих правовых норм, которые сама создает; как должны юридически разрешаться возможные конфликты между партийными и государственными институтами, наконец, каковы перспективы развития политической системы – в направлении воспроизводства революционной формулы или правового государства? Эти вопросы не получили ответа в советской теории государства и права или официальной конституционно-правовой доктрине. Но они были поставлены критиками системы извне и ее противниками внутри страны (диссидентское движение). Неразрешимый характер основного противоречия номинального права подчеркнут в известном требовании оппозиции советским властям: «соблюдайте собственную конституцию».

В этой перспективе «перестройка» М. С. Горбачева (1985 – 1991 гг.) должна рассматриваться как завершающий этап всего революционного

проекта. Она, вопреки известным оценкам, не являлась революцией, поскольку сохранила существующую формулу легитимации власти, не выдвинула новой мессианской идеи и не привела к смене элиты. Не являлась она и реформой, поскольку развивалась в режиме импровизации, не содержала плана действий, контроля над этапами его реализации, а в конечном счете, не смогла предотвратить коллапс государства. Скорее ее следует определить как реформацию – процесс смены ценностей, норм и институтов, вызванный утратой доверия к ним в обществе и их фактической недееспособностью. Отправной точкой изменений стало осознание обществом утопичности коммунистического проекта, глубокая неудовлетворенность результатами его осуществления, критика лицемерия, несправедливости и неравенства, связанных с привилегиями партийной номенклатуры в «общенародном государстве». Параметры, сходные с теми, которые представлены в европейской религиозной Реформации, направленной против привилегий католической церкви, инквизиции и индульгенций.

Главное в этой трансформации – поиск компромисса революционной идеологической формулы и реальности (при отсутствии плана конституционных преобразований). Объективные задачи, которые при этом предстояло решить, – трансформация идеологии в право; номинального права – в действующее; добиться его эффективной имплементации. Но эти задачи не могли быть решены в условиях господства номинального конституционализма, во всяком случае, – одновременно и без разрушения его несущих основ. Результатом стал распад страны по лекалам номинального конституционализма (нормы советской конституции о праве наций на самоопределение и возможности сецессии республик). Тем не менее, преобразования Горбачева имели три важных позитивных результата для формирования постсоветской политико-правовой системы – деидеологизация общества; отмена однопартийной диктатуры, замена советского принципа принципом разделения властей (создание института Президента СССР как ключевой элемент всей конструкции). Это значило отказ от революционной легитимирующей формулы власти, заложенной в начале революционного цикла. Окончательный отказ произошел после попытки переворота в августе 1991 г., получил формальное выражение в запрете КПСС и суде над партией.

Формула власти проделала в XX в. эволюцию, включавшую пять этапов:

1) переход от абсолютизма (самодержавия) к дуалистической монархии с выраженным феноменом мнимого конституционализма (Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы империи 1906 г.);

2) от этой последней формы к парламентской (или смешанной) республике (которая была провозглашена Временным правительством и Учредительным собранием, но так и не стала реальностью);

3) установление советской системы при режиме однопартийной диктатуры, стадии развития которой выражались эвфемизмами – «трудовая республика», «республика советов», «советский парламентаризм», «общенародное социалистическое государство»;

4) переходный режим периода «перестройки», определявшийся как «социалистический парламентаризм» и «советская система с президентской властью»;

5) принятие современной Россией дуалистической системы (смешанной формы правления французского образца), в реальности означающей установление суперпрезидентской власти. Обращает на себя внимание сходство первого и последнего этапов трансформации политической системы: в обоих случаях это переход от абсолютизма (монархического и партийного) к дуалистической системе с выраженным приоритетом главы государства, обладающего огромными конституционными и метаконституционными полномочиями.

В этом контексте правомерен вопрос о разрыве и сохранении преемственности постсоветской системы в отношении предшествующих форм легитимации власти. С одной стороны, несомненно, имеет место разрыв: результатом конституционной революции 1993 г. стал отказ от революционной легитимности и принятие новой (либерально-демократической) легитимирующей формулы власти. Это отражено в первых двух главах действующей Конституции РФ – «Основы конституционного строя» и «Права и свободы человека и гражданина». Россия определяется как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», что воспроизводит решение Учредительного собрания 1918 г. С другой стороны, Конституция фиксирует огромный объем полномочий главы государства – Президента, который выступает гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, руководит внутренней и внешней политикой государства, является верховным главнокомандующим, издает указы и распоряжения, обязательные для исполнения на всей территории страны. С течением времени констатируется законодательное расширение этих прерогатив во всех важных сферах деятельности – контроле над финансами, регионами, силовыми структурами, центральными и местными институтами власти и управления. Доминирующим трендом становится расширение метаконституционных полномочий Президента.

Русская революция XX в., в отличие от классических ее вариантов в Европе XVIII–XIX вв., не имела выраженной фазы реставрации в виде восстановления монархии. Однако современный российский политический режим вынужден выполнять эти задачи постреволюционной стабилизации и воспроизводства правовой преемственности. Этим объясняются особенности его формирования, логики функционирования и авторитарный вектор. Современная легитимирующая формула власти содержит в себе элементы трех предшествующих форм – конституционно-демократической (теоретически всенародное избрание президента); революционно-советской (политический лидер как гарант и главный идеолог системы «переходного периода»); имперско-монархической (президент, подобно монарху, поставлен над системой разделения властей). Это позволяет говорить о сохранении исторической преемственности имперского, совет-

ского и постсоветского периодов: несмотря на изменения легитимирующей формулы, ее ядро остается неизменным – практически неограниченная власть главы государства. В настоящее время данный тренд привел к установлению «консервативного консенсуса» и авторитарной модели власти (ограниченного плюрализма).

Причины влиятельности советской легитимности в постсоветский период определяются исторически реализованными запросами общества и конструктивными особенностями политического режима:

1) Россия стала юридически правопреемником СССР в международно-правовой сфере, что актуализирует вопросы идентичности страны в глобальном и постсоветском пространстве. Воспроизводство имперской идентичности, ставшее доминирующим трендом политического сознания, предполагает несение страной бремени урегулирования отношений на постсоветском пространстве, порождая соответствующие стереотипы и реакции на внешние вызовы;

2) базовые ценности российского общества остались неизменны: право, справедливость, равенство, свобода, отношения рыночной экономики – понимаются по-старому. Основная часть населения, как показывают социологические опросы, поддерживает советские стереотипы коллективистской морали, уравнилельно-распределительных ценностей с соответствующей трактовкой справедливости, прав и ответственности;

3) федерализм, разделение властей и судебная система интерпретируются обществом и значительной частью юридического сообщества на основе советских идей с выраженным креном в сторону централизма. Формирование единой гражданской нации не завершено, оставаясь актуальной темой дебатов. Конституционный консенсус в этой ситуации трансформируется в консервативно-популистский консенсус, выступающий ресурсом легитимации действующего режима, но не обеспечения гражданских прав;

4) незавершенность модернизации в социальном отношении. Революция продемонстрировала вариант модернизации, осуществляемой в форме ретрадиционализации. Выполнив, с огромными социальными издержками, задачу трансформации традиционного аграрного общества в индустриальное, она в то же время уничтожила достижения предшествующего имперского периода по формированию основ частной собственности, гражданских отношений и правовой культуры европейского типа. Их восстановление в постсоветский период столкнулось с социальной апатией, трудностями и потребовало особого переходного периода, политическим выражением которого стала внутренне противоречивая система «направляемой демократии». Когда, по официальному признанию, «переходный период» закончился, политический режим остался неизменным.

5) трансформация российской власти в направлении авторитаризма (ограниченного плюрализма). Особенности постсоветского режима и его легитимирующей формулы определяются в литературе понятиями «плебисцитарная демократия», «демократический цезаризм» и даже «латентная монархия», выражающими, в сущности, одно – сверхпредставитель-

ный характер полномочий президентской власти, ее тяготение к персоналистскому режиму.

Типология революций позволяет разделить их на две большие группы – те, результатом которых стало формирование гражданского общества и правового государства, и те, которые не смогли достичь этой цели. Российская революция, запустив процесс громадной социальной трансформации, до настоящего времени не решила задачи построения гражданской нации. Результатом революции стало утверждение и крушение коммунистического мифа и созданного на его основе государства, но не стабильная демократия. Современное российское общество еще не реализовало либеральную программу Февральской революции в смысле создания либеральной демократии, правового государства и гарантий прав и свобод личности. Российский конституционализм на современном этапе остается незавершенным: это уже не номинальный конституционализм советского периода, но во многом мнимый (поскольку сохраняются широкие резервируемые зоны отношений и практик, выведенных из сферы конституционного контроля).

Данный анализ говорит о незавершенности программы демократических преобразований политической системы, которая была сформулирована в начале русского революционного цикла с переходом от самодержавия к республиканско-демократическому строю в начале XX в. Срыв этой программы в результате большевистского переворота Октября 1917 г. привел к установлению нового типа абсолютной власти – режима однопартийной диктатуры, закончившего свое существование лишь с отказом от коммунистического мифа, номинального права и революционной легитимирующей формулы власти. Исторические особенности формирования новой постсоветской политической системы, принявшей демократические ценности как основу институционального проектирования, не позволили полностью преодолеть влияние советской легитимности и предотвратить возможность реставрационной фазы. Доминирующий тренд консервативно-авторитарной реставрации представляет синтез имперских, советских и новейших авторитарных идей. Его идейное обоснование – консервативная политическая романтика – основной вектор идеологического мейнстрима.

Анализ показывает актуальность разработки и осуществления концепции политических и конституционных преобразований, суть которых близка к неосуществленным проектам русского либерализма начала XX в. Она сводится к преодолению исторического разрыва общества и власти, изменению информационной политики, возрождению политической конкуренции – реальной многопартийности и ответственного правительства, проведению федеративной реформы и расширению прав местного самоуправления, обеспечению независимости судебных институтов, формированию новой административно-бюрократической этики, наконец, созданию и принятию прозрачной системы передачи власти от одного лидера к другому. Выполнение этой программы в полном объеме потребует, вероятно, значительного периода времени. Но только по ее осуществлении можно говорить о полноценном завершении революционного раскола и создании условий для устойчивого демократического развития страны.

**LAW AND REVOLUTION:
CONTRIBUTION OF SOVIET LEGITIMACY
IN THE POST-SOVIET CONSTITUTIONAL REFORM**

A. N. Medushevsky, *Doctor of Philosophy,
Ordinary Professor of the National Research University
“Higher School of Economics” (Faculty of Social Sciences,
Department of Political Science);
amedushevsky@mail.ru*

This paper is an expanded version of the report at the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference “People and Institutions: Intangible Factors of Sustainable Development of the Russian State” (Tambov, October 31 – November 1, 2017).

The author reflects on the history of the Russian revolution from the perspective of long-term legal and political development of the country, and shows the continuity of the institutions of the imperial, Soviet and post-Soviet political system. The specifics of this process is revealed through the correlation of ideology (revolutionary myth), positive law (political constitutions) and real political practices (i.e., the functioning of the political regime). The legal component of revolutionary design is the nominal Soviet constitutionalism, which differs from its classical liberal version.

Keywords: history; Russian Revolution; design; right; policy; nominal constitutionalism.

© А. Н. Медушевский, 2018

Статья поступила в редакцию 01.12.2017